

*Посвящаю Вадиму Чекунову
и Анастасии Калябиной.*

1

— Доброе утро, директор, — поприветствовал доктор Стенли сидящего в кресле мужчину средних лет с седыми короткими волосами и серыми матовыми глазами, который курил толстую сигару и смотрел задумчиво в окно.

В кабинете директора стоял рабочий стол коричневого цвета, на столе расположилась стопка папок с самыми разными историями болезней, начиная с обыкновенной депрессии и заканчивая гебефренической шизофренией. Слева от папок лежал лист бумаги, на котором было написано «Миссис Норис» и «4». Справа стоял черный стационарный телефон. В кабинете не было ни одной фотографии, ни одного цветка, даже искусственного. Были письменный стол, черное кресло, на котором директор сидел, сгорбившись, пуская густые клубы дыма, и небольшой шкафчик справа около окна,

в котором висели осенний тонкий плащ, белый докторский халат и стояли черные ботинки на низкой подошве.

Рост директора был примерно метр восемьдесят — метр восемьдесят два. Телосложение плотное. Этого крепкого, коренастого мужчину сдвинуть с места мог бы, наверное, только бульдозер.

— Доброе утро, — сказал без особой радости человек в кресле, перевел взгляд на вошедшего старика и потушил сигару в пепельнице. Не любил он, когда его отвлекали от курения. Клубы дыма позволяли мужчине концентрироваться, уходить в себя и даже в какой-то степени смаковать те редкие минуты тишины, которые можно было провести только наедине со старой подругой — сигарой, не задававшей глупых вопросов, не отвлекавшей его по пустякам, не умевшей мыслить и озвучивать свои мысли. Для директора объект, который не озвучивал свои мысли, был самым прелестным в мире творением. Одушевленным или нет — какая разница! Что ваза из-под цветов, что милый тихий дворник, который, кроме того, чтобы подметать двор, ни на что другое не годился, были одинаково очаровательны и прекрасны. Ведь этим двум созданиям была присуща одна и та же

черта — не делиться собственными мыслями и не отягощать своим присутствием окружающих.

Мужчине с жесткой двухдневной щетиной на вытянутом лице нравилось, когда о нем все забывали. Когда его не трогали по любому поводу и не мешали сидеть в темноте и наблюдать за первыми лучами солнца вместе со своей верной подругой, которая, как и человек, обладавший ею, любила тишину.

Для вошедшего в кабинет главврача тишина никогда не была чем-то святым, и любую паузу доктор Стенли всегда пытался заполнить связным или бессвязным набором букв.

— Произошло самоубийство, — сказал доктор Стенли. Такого директору от него никогда еще не доводилось слышать.

Мужчина резко нахмурил брови, словно в этой фразе было что-то непонятное, а затем быстро переспросил:

— Самоубийство?

— Именно, директор. Пациент покончил с собой, бросившись в открытое окно.

— Миссис Норис? — хозяин кабинета подскочил со своего места и быстрым шагом направился к главврачу, чтобы хорошо видеть его глаза. Директору всегда было комфортно разговаривать, пристально всматриваясь в гла-

за своего собеседника. Это было для него неким ритуалом.

Глаза, по мнению директора, не умели скрывать. Только нагло лгать!

— Нет, не миссис Норис, — осторожно ответил доктор Стенли, чьи маленькие зелененькие глазки тут же забежали, когда в них заглянул директор.

Не любил доктор Стенли такого тесного контакта. Серые настойчивые глаза давили на доктора изо всех сил.

— Это другой пациент. Не такой любопытный, как миссис Норис. — Главврач сделал особый акцент на слове «любопытный», так как его собеседника могли заинтересовать только особые, редкие случаи. Обыкновенный психоз, раздвоение личности и ряд самых различных человеческих фобий (начиная от никтофобии — боязни темноты — и заканчивая светобоязнью) директора не интересовали в принципе, и данные случаи он всегда охотно взваливал на своих подчиненных. Нередко и на плечи самого доктора Стенли.

— Это я понял. Говорите по существу, Стенли.

— А по существу, данный пациент страдал циркулярной депрессией.

Директор перевел взгляд с хитрых бегающих глазок на неподвижную стену перед собой, а затем развернулся к свету.

Циркулярная депрессия, по его мнению, как болезнь не представляла никакого научного интереса. Так как половина населения время от времени страдает от такой депрессии.

В этом приторможенном состоянии, в котором больной перестает различать всякие цвета жизни, мир для него абсолютно бесцветен, безвкусен, как стакан обыкновенной воды. Человек становится заложником своего настроения, его душевное равновесие может нарушить обыкновенный дождь или любая мелочь, которая ему не понравится. Например, лечащий врач недостаточно приветлив с ним!

При циркулярной депрессии больной перестает видеть смысл в своем существовании, видя все в сером цвете, эту болезнь директор воспринимал как юношескую.

— Несерьезная причина, чтобы покончить с собой, — смело заявил директор. И если бы данное заявление сделал кто-то другой, а именно — его подопечный, то доктор Стенли изо всех сил впился бы в горло своему собеседнику и начал бы высасывать из него всю кровь.

Вместо этого главврач глубоко вдохнул, выдохнул, а затем сказал спокойным голосом.

— Циркулярная депрессия, директор. Разве не достаточный повод для самоубийства?

— Нет! — тут же отрезал директор, который разговаривал со своим собеседником, стоя к нему спиной. — Если бы это был повод, то большинство подростков покончили бы жизнь самоубийством, не дожив и до шестнадцати лет, не говоря уже о взрослой части населения, которая терпеть не может свою проклятую работу и начальника, который выжимает все соки.

— Но ведь это абсурд — пренебрегать известными фактами, а именно: заболеванием пациента. Я принес вам отчет...

Директор повернулся к своему собеседнику, взял отчет и вернулся на прежнее место. Зажег сигару и начал внимательно изучать корявый и неровный почерк своего заместителя. От этого непонятого «забора» из слов он недовольно скривился.

Доктор Стенли растворился в тишине, так как прекрасно знал, что начальника отвлекать от мыслей порой опасно. И что в его сторону может прилететь какой-нибудь тяжелый предмет.

Такие случаи уже бывали с докторами, но только не с уважаемым стариком, доктором

Стенли, который лично присутствовал, когда строили эту лечебницу, и который, скорее всего, лично проводит ее в «последний путь». Когда, по возможным причинам, от нее останется только пепел, он сам станет пеплом. Ведь другая крыша над головой для него — не дом, а лишь комната, в которой можно переночевать и вернуться домой.

Директор, которому густой едкий дым бил в ноздри, читал врученный ему отчет и думал, что нужно как можно скорее попасть в комнату самоубийцы до того, как приедет полиция. Зачем? Да потому, что он хотел лично осмотреть комнату, убедиться в том, что это действительно самоубийство и что этого несчастного пациента, страдающего болезнью колких юношеских лет, не выбросили из окна против его воли.

— Но это невозможно... — запротестовал доктор Стенли. — Инспектор полиции приказал, чтобы до его приезда никто не заходил в комнату Эриха.

— Вы вызвали полицию, даже не посоветовавшись перед этим со мной? Меня нет, доктор Стенли? Вы сейчас обращаетесь к пустому креслу?

— Но вы сами попросили меня в экстремальных ситуациях принимать решения само-

стоятельно и не отвлекать вас от важных дел. Вот я и..

— Разве самоубийства в нашей лечебнице происходят так часто, что можно меня по таким пустякам не отвлекать?

— Нет, директор. Я вызвал полицию, написал отчет и первым делом прибежал к вам.

— Сколько времени прошло с того момента, как вы вызвали инспектора?

— Не больше пятнадцати минут.

— Значит, успеем, — решительно заявил директор, встал со стула, оставив сигару тлеть в пепельнице, и в спешке выбежал из кабинета.

Он совершенно не понимал своего заместителя, считая характер доктора Стенли неопостижимым.

* * *

Директор вошел в маленькую, но светлую палату, больше напоминавшую келью, в которой прежде обитал Эрих Бэль, расположенную на последнем, четвертом этаже второго корпуса здания больницы.

Комната была метров десять — двенадцать. Кроме кровати и маленького бежевого комода, на котором давно потрескалась краска, здесь не было больше ничего. На комодe стоял магнитофон, пачка овсяного печенья, белая ча-

шечка с каким-то осадком темного цвета. Скорее всего, на дне ее засохли остатки кофе.

Кровать была аккуратно заправлена, возле нее стояла пара желто-синих кроссовок, не самых качественных, но не рваных и не потрепанных.

На коричневом покрывале лежал небольшой клочок бумаги. Директор подошел, но не спешил брать его в руки. Затем он открыл комод, осмотрел его, снова закрыл. После этого мужчина, ни с того ни с сего, встал на колени и заглянул под кровать.

Доктор Стенли молча недоумевал, наблюдая за ним.

— Что вы ищете, директор?

— Вы трогали этот листок, доктор Стенли? — проигнорировав его вопрос, спросил седоволосый мужчина с короткой стрижкой, шея которого была сильно напряжена.

— Нет. Я ничего здесь не трогал и вам не советую до приезда полиции.

Директор еще раз осмотрелся по сторонам в поисках чего-либо достойного внимания, принюхался и только после этого подошел к открытому окну, в которое выпрыгнул Эрих Бэль.

Высоко. Достаточно высоко, чтобы, переломав себе шею, ноги и еще что-нибудь, не остаться после такого падения в живых.